

МАРТИ ФРИДМАН

В СОАВТОРСТВЕ С
**ДЖОНОМ
УИДЕРХОРНОМ**

автобиография
КУЛЬТОВОГО
ГИТАРИСТА

ОТ
MEGADETH
ДО СОЛЬНОГО
ТВОРЧЕСТВА

18+

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Боги метал-сцены

Марти Фридман

**Автобиография культового
гитариста. От Megadeth
до сольного творчества**

«ЭКСМО»

2024

УДК 785.071.1:929(73)

ББК 85.318(3)-8

Фридман М.

Автобиография культового гитариста. От Megadeth до сольного творчества / М. Фридман — «Эксмо», 2024 — (Боги метал-сцены)

ISBN 978-5-04-252958-0

Автобиография гитариста Megadeth Марти Фридмана, насыщенная сокровенными фактами и глубокими переживаниями. Это история человека и музыканта с большой буквы, чье детство было таким же нетипичным, как и вся его карьера. Росший под гнётом отца-руководителя Агентства Национальной Безопасности, он неожиданно открыл для себя гитару и сразу понял, что это — его призвание. Из этой книги вы узнаете: — Как Марти переехал в Калифорнию, чтобы сотрудничать с Мадонной, Kiss и Оззи Осборном, и почему в итоге отказался с ними играть? — Как Фридман восстановил статус Megadeth и не позволил участникам группы довести себя до окончательного саморазрушения? — По каким причинам он то оказывался на улице, то вновь обретал дом (и это не имеет никакого отношения к криминалу, но — к поиску себя)? В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 785.071.1:929(73)

ББК 85.318(3)-8

ISBN 978-5-04-252958-0

© Фридман М., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Марти Фридман

Автобиография культового гитариста.

От Megadeth до сольного творчества

Dreaming Japanese

Marty Friedman

Dreaming Japanese Copyright © 2024 by Marty Friedman All rights reserved.

© Ткачук С. А., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

«КАКОГО ЧЕРТА Я ЗДЕСЬ ДЕЛАЮ?!»

Эти слова эхом проносились в голове, когда я неуклюже расхаживал по забитой людьми идзакае¹ в каком-то японском городе. Я был единственным «неяпонцем» в заведении, и в последующие годы очень хорошо к этому привык.

Я аккомпанировал на гитаре японской певице-суперзвезде по имени Нанасэ Айкава. В Америке именитые группы время от времени закатывают вечеринки после концертов, но в Японии у значимых артистов принято почти после каждого выступления устраивать мощное празднество в местной идзакае (где пьют саке). В этих местах музыканты группы, гастрольный персонал, местные воротилы и промоутеры сидят за столами, которые ломятся от обилия местных деликатесов и напитков. Похоже, бокалы волшебным образом наполняются заново, как только становятся пустыми.

Эти живые веселые празднества стали уже легендарными, и все приходит отрываться. Для большинства присутствующих это замечательное место, чтобы узнать о последних новостях в мире японской музыки, посплетничать и снять напряжение. Практически все музыканты и техники с нетерпением ждали похода в идзакаю – но только не я. И пусть в буквальном смысле сбывались мои самые смелые и дикие мечты – оказаться в Японии и исполнять японскую музыку на высшем уровне, – я по-прежнему чувствовал себя неуклюжим американцем.

Обычно я ощущал себя не в своей тарелке вдали от привычной среды обитания, из-за чего становилось одиноко, а на душе скребли кошки.

Разумеется, я был не одинок. И музыканты, окружавшие меня, не были чужаками. Группа Нанасэ Айкавы считалась невероятно популярной, а я принимал активное участие в выступлениях. Нанасэ, ее группе, техникам, промоутерам и фанатам нравились мое исполнение и сценический образ. Стоило мне начать исполнять соло, и многотысячная толпа принималась энергично и экспрессивно играть на воображаемых гитарах. Но всегда существовала большая разница между моим сценическим образом и тем, каким я был вне сцены, где не мог спрятаться за гитарой и быть смелым. Особенно резко это несоответствие проявлялось, когда я еще не привык к традициям и культуре Японии. В идзакаях существовала огромная пропасть в понимании между мной и всеми остальными. Они выпивали и смеялись, собирались в сплоченный круг близких друзей, что-то оживленно обсуждали и шумели, жестикулировали и литрами поглощали алкоголь. А я хоть и владел японским почти свободно, и говорили они достаточно громко, чтобы я без проблем их слышал, однако не понимал практически ни слова.

Но существовал скорее культурный барьер, нежели языковой. Они говорили о тех, кого я не знал; местах, о которых я никогда не слышал; ситуациях, совершенно мне не известных. Легко можно было бы улыбнуться, кивнуть и посмеяться со всеми, но если бы я так сделал, это показалось бы лицемерием с моей стороны. Поэтому я часто ждал подходящего момента, чтобы тихо и незаметно вернуться в отель. Я никогда не ходил на тусовки после самой вечеринки, также популярные в Японии. К тому времени, как многие уже изрядно нажирались, едва ворочали языком и смеялись над несмешными шутками, я, отдыхая в номере, как правило, десятый сон видел.

¹ Идзакая – тип японского неформального питейного заведения, в котором посетители выпивают после рабочего дня. Функционально идзакаи схожи с ирландскими пабами, испанскими тапас-барами, ранними американскими салунами и тавернами.

Но не сказать, что я не пытался вписаться в толпу, стать своим и принимать участие в веселье. На многих тусовках, проходящих уже после самой вечеринки, на которых я побывал, я шатался от одной компании к другой, надеясь услышать хоть малейшую фразу, которую бы узнал, или тему, которая была бы мне близка, а затем легко влиться в разговор – любой разговор. Такое происходило крайне редко. Никто, конечно же, меня не отвергал – просто я ощущал себя невидимкой. И, несмотря на мой огромный вклад в музыку группы, когда мы оказывались в компании, я был совершенно бесполезен.

Впервые за многие годы я чувствовал себя не в своей тарелке, в основном из-за того, что в социальном плане ощущал себя отщепенцем. Со стороны такая ситуация, возможно, покажется немыслимой, поскольку все знали и уважали мой успех, которого я добился, отыграв десять лет в Megadeth и выпустив несколько сольных альбомов. Однако, несмотря на коммату, завешанную платиновыми альбомами со всех континентов, для местной, домашней музыкальной японской сцены я был абсолютным новичком и имел минимальный опыт в японской музыке – можно сказать, его и вовсе не было.

Это была первая японская поп-группа, в которой я играл, а все, кто меня окружал, многие годы были погружены в высший эшелон японской попсы. Я знал крайне мало о музыкантах и представителях индустрии, о которых говорили эти люди, и не знал историй, которые они вспоминали и над которыми смеялись.

Это определенно было не то, чего я ожидал, когда подписывал контракт. Megadeth были довольно популярны в Японии, и я сыграл на соло-гитаре в большинстве их самых популярных альбомов, а также участвовал в самых прибыльных и масштабных мировых турне. Помимо этого я был так называемым «гитарным кумиром» и давал сотни музыкальных семинаров по всему миру для людей абсолютно разных культур. Я был маститым международным артистом, и именно так ко мне относились в большинстве стран мира. Но, похоже, в японской идзакае это совершенно никого не волновало.

Сегодня я понимаю, что ожидать определенного отношения ввиду прошлых заслуг – глупо и неправильно, но в то время мне казалось, что я новобранец в еще не подписавшей контракт играющей в стиле мариачи² группе из Тихуаны³. Проблема состояла в том, что я как музыкант не достиг зрелого возраста с теми, с кем выступал на одной сцене. Я не знал их по клубной сцене и даже не разделял многие их музыкальные влияния.

Большинство из них были намного младше меня. Все они – первоклассные музыканты со своей фанатской базой. Нанасэ гастролировала с японской супергруппой, и ее музыканты были ко мне добры, пытаясь взаимодействовать со мной так же, как и я с ними. Но долгое время после того, как они спрашивали, каково быть «рок-звездой» в Америке, нам больше не о чем было говорить.

Короткий период времени мне казалось, есть неплохой шанс, что меня примут в тусовку, если вести себя как заводила и душа компании, что совсем на меня не похоже. Я заставлял себя быть открытым и общительным – иногда мне это удавалось, и я говорил то, что другие понимали. Когда такое происходило, меня встречали смехом, все тут же начинали на меня пялиться, и вдруг я превращался в активного участника игры, пусть даже самую малость. Никто из тех, с кем я говорил, не имел ни малейшего понятия о том, как много для меня все это значило, и в те моменты я ощущал себя на высоте, словно воздушный шарик, отпущенный в небо. Но я неизбежно говорил то, что было им непонятно, а изъясниться толком не мог. И снова сидел

² Мариачи – жанр мексиканской народной музыки, являлся неотъемлемой частью традиционной современной мексиканской культуры. Известен во многих регионах Латинской Америки, Испании, а также в регионах юго-запада США. Ансамбль мариачи включает в себя от 3 до 12 исполнителей, хотя ограничения на количество музыкантов не существует. Наиболее используемыми музыкальными инструментами являются гитара, гитаррон, виола, скрипка, труба, реже – арфа и флейта.

³ Тихуана – город на северо-западе Мексики, крупнейший в штате Нижняя Калифорния и самый западный во всей Латинской Америке.

да потягивал свой улун (китайский чай), чувствуя себя крайне некомфортно среди компашек, увлеченных оживленными беседами.

Я ощущал себя отверженным парнишкой в школьной столовой, тщетно ждавшим, пока одноклассники разрешат к ним подсесть.

Я не видел никакой связи с тем, что был американцем и выступил в каждом штате огромной страны, а также побывал в самых дальних уголках мира. Мне даже *говорить* не хотелось о прошлом успехе. Хотелось находиться в мире японской музыки, здесь и сейчас. В отличие от меня, остальные музыканты группы Нанасэ и техники могли лишь мечтать о том, чтобы покинуть свой островок и выступить перед международной публикой. Как ни странно, большинство японских музыкантов даже не пытаются осознать эту несбыточную мечту.

Может быть, окружавшие меня музыканты уважали мои прошлые заслуги настолько, что в некоторой степени побаивались этого, и по этой причине всегда испытывали дискомфорт в моем присутствии. Иногда казалось, что они думают: *«Какого черта он забыл в нашей группе? Парень явно не в своем уме!»*

А может быть, я просто не был вхож в их круг. Япония – моноэтническое общество, а Америка, как известно, плавильный котел. Единственный способ по-настоящему узнать все достоинства и недостатки обеих стран – пожить в каждой из них довольно долгое время. Но об этом чуть позже.

Разумеется, я замечал некую иронию: чувствовал себя изгоем, но при этом жил настоящей мечтой – выступал в японской поп-группе на высочайшем уровне. Я испытывал депрессию и внутреннее опустошение, но пытался не утратить концентрацию в столь необычной для меня ситуации.

Я повторял свою мантру: *«Иди к цели и не сворачивай!»*

Чтобы достичь серьезных целей, придется пережить непростые времена и пройти серьезные испытания. Я знал, что, ощущая себя не в своей тарелке, а иногда и вовсе ненужным в чужом обществе, должен буду преодолеть множество трудностей. Это напоминало изучение языка или попытку освоить музыкальный инструмент. Я принял эти вызовы с гордо поднятой головой и вышел победителем. Если удавалось справиться с этим состоянием, при котором мучительное чувство одиночества и неумение адаптироваться в обществе были нормой, в конечном итоге я оказывался в уникальном положении, которое во многом шло мне на пользу.

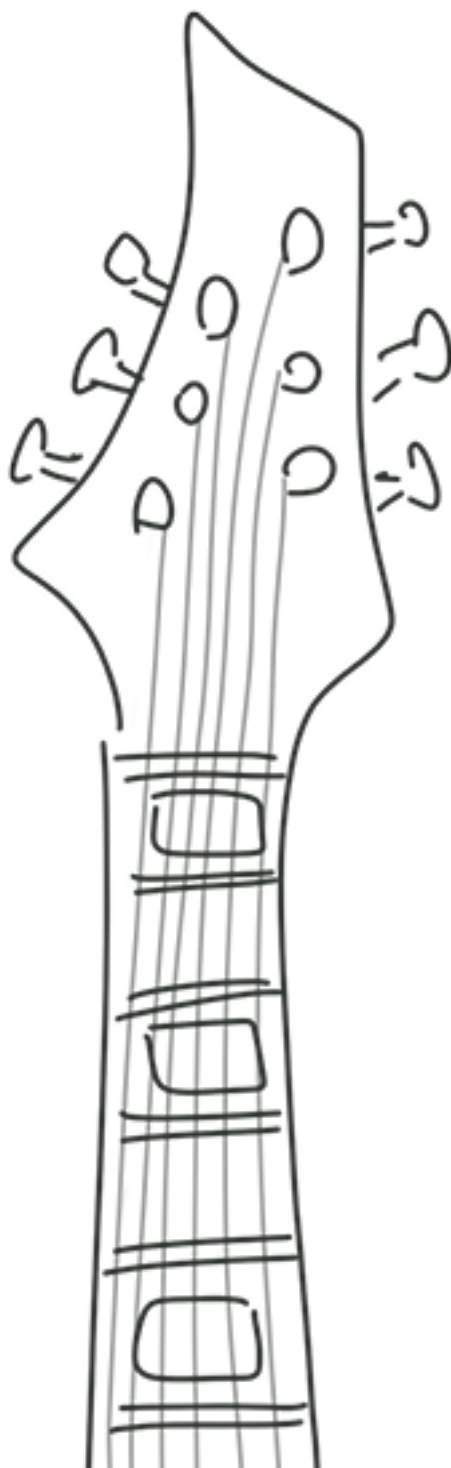
Все происходившее со мной не имело аналогов, и совета просить было не у кого. Японцы невероятно дружелюбны и всегда готовы помочь иностранцам. Однако иностранцы, пытающиеся поселиться в Японии, сталкиваются с совершенно другим отношением. И я подумал, что если удастся полностью приспособиться и принять японскую культуру, а другим станет со мной легко и комфортно, то моя необычность перестанет приносить мне ощущение неловкости. Я стану исключением.

Как только я впадал в уныние и вешал нос, сразу же напоминал себе, что для этих людей я таинственный чужеземец. Неудивительно, что мы друг друга не понимали.

И пусть я классно играл на гитаре и неплохо говорил по-японски, этого было мало для того, чтобы они сразу же ко мне прониклись.

Как музыканта меня уже и так уважали. А вот дружбу с каждым из них нужно было заслужить.

Я знал, что делать. «Ты должен много и упорно работать, – твердил внутренний голос. – Сосредоточься. Впереди у тебя долгий путь, полный рискованных приключений».

Глава 1

В ДЕТСТВЕ Я СЧИТАЛ: ЧЕМ ТЫ В ШКОЛЕ ПОПУЛЯРНЕЕ, тем меньше знаешь и паришься. Да и зачем париться? Если ты спортсмен-атлет, танцовщица из группы поддержки или тебя переполняет самоуверенность, ты красавчик, весь мир у ног – свидания, вечеринки, танцы на школьном балу, спортивные соревнования, похвала со всех сторон. Для популярных детишек музыка является радостным одноразовым звуковым сопровождением их отлаженной насыщенной жизни. У детей, растущих в такой обстановке, нет ни времени, ни желания познать или поинтересоваться, что за песня звучит по радио или что за музыканты, не говоря уже о деталях, связанных с инструментами, использованными для исполнения песен или оборудования для записи. Популярным детям есть куда пойти, где веселиться, отрываться и с кем уединяться.

На своем примере музыканта я понял, что отчасти нужно быть немодным, непопулярным, может быть, даже немного проблемным и непутевым, а прежде всего, должна быть куча свободного времени, чтобы узнать, что соло-гитариста группы KISS зовут Эйс Фрейли и обычно он играет на гитаре Gibson Les Paul Deluxe. Готов поспорить, что в моей школе никто из нашей футбольной⁴ команды или любой другой команды таких подробностей не знал.

Когда я рос, музыка, в особенности хард-рок, являлась возможностью сбежать от реальности среди ребят, которых игнорировали и считали жертвой среди популярных сверстников, – злобный способ выплеснуть агрессию для тех из нас, кто не ходил на свидания, не имел атлетического телосложения или не был привлекательным, плохо одевался и не ходил на вечеринки с красотками-спортсменками.

Тяжелая музыка была и до сих пор остается убежищем для изгоев. Благодаря ей слабые чувствуют себя сильными, а бессильные наделяются силой.

Хеви-метал предоставляет энергичную окружающую среду, о которой можно мечтать и куда хочется сбежать, и возможность открыть для себя что-то новое с такими же единомышленниками-неудачниками. Большинство популярных артистов когда-то были забитыми отщепенцами и задротами своего поколения.

Но я не хочу ограничивать понятие громкой музыки лишь радостным убежищем для ботаников и чудаков. Она может служить якорем спасения, гаванью от депрессии и насилия. Презрительный средний палец хеви-метала является терапией для многих подростков из неблагополучных семей. Если родители или ровесники словесно (или, упаси боже, физически) тебя оскорбляют – унижают и заставляют чувствовать себя крошечным, – рок-н-ролл способен превратить тебя в гиганта. Многие музыканты высшей лиги, даже крутые рок-звезды, начинали с колодой дерьмовых карт. Но со мной ничего подобного не было. В детстве и юности меня никогда не обижали, не игнорировали, да и чувство голода мне не знакомо. Мне никогда не приходилось размахивать кулаками, чтобы себя оправдать, и меня никогда не выгоняли из дома за раздолбайство. По сравнению с многими музыкантами, которых я знаю, у меня с самого начала имелись привилегии и защита.

Я, Мартин Адам Фридман, родился в Вашингтоне, округ Колумбия, 8 декабря 1962 года. Мои родители – Джерри и Мэрилин Фридманы. Отец воспитывался в консервативной еврейской семье в Джерси-Сити, штат Нью-Джерси. Мать папы, Бесси Клейман, и его отец, Моррис Фридман, познакомились в Нью-Йорке, прибыв иммигрантами в США из Литвы и Австрии соответственно.

⁴ Разумеется, речь идет об американском футболе.

Все они говорили на ломаном английском с сильным еврейским акцентом, а писали на иврите. Помнишь голоса, которые делают комики, изображая старых евреев? Именно так и говорили мои бабушка с дедушкой. Вся семья соблюдала традиции и ела только кошерную еду, а каждую неделю обязательно ходили в храм, соблюдая пост на Йом-Кипур⁵. В шабат не работали, не водили машину и не пользовались электричеством, даже лишних телодвижений не делали. Ох уж эти ортодоксальные штучки!

Ты, наверное, подумаешь, что они были консервативными или скучными, поскольку были чересчур религиозными, но нет. Я понимаю, можно совершенно справедливо поспорить: чем больше в евреях зашкаливает ортодоксальность, тем больше он (или она) кажется дикарем. Я всегда ощущал близкую связь с бабушкой и дедушкой, потому что они были уморительными, любили меня и всегда развлекали. Они всецело были преданы иудаизму, вели себя громко, экспрессивно, были полны энергии, энтузиазма, эмоций и драмы. Было здорово проводить с ними время, потому что я никогда не знал, какое развлечение они придумают в следующий раз. Или, если точнее, что заведет бабушку. Она постоянно болтала, а дед был немногословен, но когда что-то говорил, всегда по делу и со смыслом. Это всегда был продуманный комментарий или серьезное заявление, после которого прекращалась любая перепалка. «Индейку порежем *после того*, как Джерри вернется. Хватит ссориться!» У меня складывалось ощущение, что, возможно, дедушка ел кошерную еду, лишь бы не ругаться с бабушкой.

Став взрослым, я забирал деда поесть свинину с жареным рисом в небольшом китайском ресторане на бульваре Сансет в Лос-Анджелесе. Какой еврей не любит китайской еды?!

Зато мамины предки были милыми, но строгими и прямолинейными, в отличие от моей мамы, неординарной и творческой женщины, преисполненной рвением, энергией и любовью к жизни. Странно, что никто в ее семье не обладал хоть каплей ее энергии или креативности. Ее родители имели русское происхождение, но никаких черт «исторической родины», поскольку несколько поколений ее родственников прожили уже в Америке, когда моя мама, Мэрилин Штойер, родилась в Питтсбурге, штат Пенсильвания. Как и я, она всегда была самой мелкой на школьных фотографиях и жуткой привередой в еде. Мы бы с ней скорее голодали, чем съели то, что нам не нравилось. В конечном счете ее семья переехала в Вашингтон, округ Колумбия, где мой дедушка Генри работал в местном таксопарке Diamond Cab. Я считал, что это самое крутое, что может быть, потому что дед водил такси и давал клиентам сдачу с помощью автомата для размена монет. Дедушка был слишком трудолюбивым, чтобы ограничиваться вождением такси. У него также имелась продуктовая лавка на углу, и время от времени он трудился на других работах. Но что бы он ни делал, казалось, он всегда с трудом сводил концы с концами. И тем не менее мама никогда не подвергалась дискриминации за то, что она из рабочего класса или связалась с евреем. Она была одной из самых привлекательных и популярных девочек.

Задолго до знакомства с моей мамой отец был почитаемым и крайне уважаемым членом Управления государственной безопасности (УГБ). Он устроился туда работать еще подростком и дослужился до высшего чина GS-15, что равняется званию полковника в армии. Отец работал с засекреченными документами, и хоть я не имел ни малейшего понятия, чем он занимался весь день, я почти уверен, что в его обязанности также входила защита от русских шпионов, смотрящих за правительством США. По крайней мере, так он нам сам говорил. Когда я рос, наполовину подозревал (и надеялся), что папа принимал участие в более скандальных делах, чем рассказывал, во время многочисленных деловых поездок в экзотические места вроде Таиланда, Гонконга и Кореи. Как-то раз его отправили на вертолете на необитаемый остров рядом

⁵ Йом-Кипур в иудаизме – самый важный из отмечаемых дней, день поста, покаяния и отпущения грехов.

с Маршалловыми островами и оставили одного проверять американское ракетное контрольное оборудование. Он даже поначалу переживал, что никто за ним не вернется.

Я всегда считал безумием, что отец устроился работать в УГБ сразу после учебы, но потом опять же, папа – невероятный человек. Он всегда был острым как лезвие, моментально располагал к себе и легко заводил друзей. Отец был прекрасно социализирован, что странно, потому что мне всегда было тяжело найти с людьми общий язык – я чувствовал себя неуклюжим в общении с другими. Я, как правило, более точно выражаю себя посредством музыки и гитары.

После старшей школы папа остался в Джерси-Сити и поступил в колледж Святого Петра, где, несомненно, был единственным евреем, придерживающимся кошерной еды в христианской организации. Замечательный студент и звезда многих спортивных университетских команд, он был настоящим красавцем. В бейсбол он играл как профессионал, был надежным игроком и мог далеко закинуть мяч, являясь проворным надежным игроком третьей базы – вроде Брукса Робинсона. Также папа прекрасно играл в футбол и гольф. Любой спорт давался ему легко, и, наверное, он был в шоке и очень расстроился, когда понял, что я не унаследовал ни одну из его атлетических способностей. Но надо отдать ему должное – папа никогда не показывал мне то, что он расстроен моей никчемностью в спорте. Про меня нельзя было сказать, что я «бросаю как девчонка», и не настолько я был слаб, как можно было бы подумать, глядя на мое тело коротышки. Но когда физрук просил двух ребят набрать себе команду, меня выбирали последним.

Отец всегда с интересом и эмоциями смотрел спортивные передачи. Мы могли смотреть вместе, поскольку смотреть мне было гораздо легче, чем играть. Шел ли по ящику баскетбол, футбол или хоккей, было невозможно не зарядиться энергией папы и не поглотить переполняющий его энтузиазм. Мы шутили, что, если бы мама сказала ему, что хочет развестись, когда он смотрел матч, он бы все равно одним глазом, не отрываясь, смотрел в телевизор и больше бы расстроился из-за неправильного решения судьи, чем из-за ошеломительного заявления мамы.

После того как отец окончил колледж, УГБ увидели в нем огромный потенциал и пригласили на работу в Вашингтон, округ Колумбия. Там папа быстро продвинулся по карьерной лестнице, хотя понимал, что большое количество работы оставляло ему все меньше возможности заниматься спортом. В округе Колумбия у папы была большая квартира, в которой он жил с несколькими коллегами, работавшими на государственных должностях. По-видимому, папа был тем еще дамским угодником, как и его соседи по комнате. Молодые парни, работавшие на государственных должностях, в 1950-х годах без труда могли познакомиться с девицами.

Про любовные похождения отца после колледжа я знаю примерно так же мало, как и о его делах в УГБ, но слышал, что в его холостяцкой берлоге никогда не было дефицита доступных женщин. И однажды папа рассказал историю о том, как один из его сожителей женился на девушке, с которой спали почти все его коллеги. Как только папа познакомился с мамой, гулянки внезапно закончились, и теперь он обожал только одну женщину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.